

нэпист (Бюрократнада, 1922). Ц. Селищев приводит глагол *онэпиться* («Язык революционной эпохи». М., 1928), Л. Черных — существительное *нэповец* («Этнографический бюллетень», 1923, № 3). С течением времени большинство слов этой группы вообще забылось. В современном русском литературном языке в качестве историзмов закрепились такие слова, как *нэпман*, *нэпманша*, *нэпмановский*, *нэпманский*, *по-нэпмански*, *по-нэповски*. Д. И. Алексеев считает, что и слово *нэп* стало историзмом после 1936 года (Словарь сокращений русского языка. М., 1963). Естественно, что эта хронология может рассматриваться только как приблизительная.

Нетрудно заметить, что в норме современного русского языка закрепились лишь те слова рассматриваемой группы, которые использовались для характеристики новой экономической политики и отрицательных явлений, неизбежно порожденных ею на некоторое время, пока не были уничтожены последние остатки эксплуататорских элементов в нашей стране.

Приведенный материал свидетельствует об активных словообразовательных процессах, которые имели место в русском языке (прежде всего в публицистике) первого послеоктябрьского десятилетия. И хотя большинство образований не выдержало испытания временем и исчезло из словарного фонда, они несомненно явились яркой страницей в развитии русского языка новейшего времени. Об этом красноречиво свидетельствует история аббревиатуры *нэп* и производных от нее слов.

Н. П. АГАФОНОВА,
преподаватель Самаркандского пединститута

Л. И. РОЙЗЕНЗОН,
доцент Самаркандского пединститута

Лебединая песня

В этом фразеологизме наряду с существительным *песня* употребляется и устарелый книжный вариант — *песнь*. Любопытно, что в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (М., 1966) соответствующая статья называется «Лебединая песня», а в примерах — из Гоголя и Достоевского — «Лебединая песнь». Аналогичное положение и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: заголовок статьи «Лебединая песня (песнь)», а из четырех иллюстраций три (из Гоголя, Достоевского, Щепкиной-Куперник) содержат *песнь* и лишь в четвертой (из «Записок писателя» Телешева) можно в равной степени предполагать и *песнь* и *песня* в форме родительного падежа — «своей любимой песни».

Очевидно, такое преобладание устарелого варианта *песнь* объ-

ясняется происхождением примеров из произведений авторов XIX — начала XX века. Впрочем, и в современной печати можно встретить употребление фразеологизма с вариантом *песнь* (может быть, это связано с его книжным оттенком?), ср., например: «И все же как бы слышалась лебединая песнь великой традиционной, наземной наблюдательной астрономии» (Вл. Орлов. — «Правда», 3 декабря 1967).

Иногда автор, употребляя фразеологизм с устарелым вариантом («Лебединая песнь»), в формах косвенных падежей «сбивается» на современное *песня*. Например: «Работал он [С. Д. Бублик] буквально до последнего дыхания, жизнь его кончилась в просмотровом зале. Товарищи завершили его работу, она оказалась его лебединой песней. Это была песнь, посвященная Владимиру Ильичу Ленину» (Л. Никулин. Лебединая песнь. — «Искусство кино», 1966, № 4). Здесь явно противоречат друг другу окончания именительного и творительного падежей, ср. соотношение: именительный *песнь* — творительный *песнью*; по *песня* — *песней*.

Фразеологизм *лебединая песня* (*песнь*) обязан своим происхождением народному поверью, по которому лебедь поет в своей жизни один раз — перед смертью. Отсюда и установившееся его значение: «Последнее, обычно наиболее значительное, произведение кого-либо; последнее проявление таланта, способностей и т. п.» («Фразеологический словарь русского языка»). Это определение достаточно широко, оно охватывает все основные случаи употребления. Но смысловых оттенков фразеологизма так много, что его содержание расширяется вплоть до отхода от установившегося значения и до нарушения нормы.

В значении фразеологизма можно выделить два полюса. Один из них выражен в толковании «Фразеологического словаря» словом *последняя*. Смещаясь в эту сторону, *лебединая песня* может обозначать вообще последнее проявление какой-либо деятельности (вовсе не являющейся ни проявлением таланта, ни каким-нибудь произведением). Ср.: «Штюмер знал, что эта аудиенция Горемыкина была его лебединой песней» (Г. Шенн. У излучин истории).

Другой полюс связан с характеристикой во «Фразеологическом словаре», может быть, чересчур категоричной: «обычно наиболее значительное»; она ведет к стремлению подразумевать под *лебединой песней* вообще что-либо значительное или выдающееся. Так, например, случай, когда на концерте Вана Клиберна одна из его поклонниц воскликнула по поводу исполнения: «Это его лебединая песня!» (на что другая тут же возразила: «Надеюсь, что нет!»).

Обычно мы сталкиваемся со случаями, которые как бы объединяют обе эти стороны значения фразеологизма. Так, пример из статьи Вл. Орлова («лебединая песнь великой традиционной, наземной наблюдательной астрономии») может быть истолкован и как последние шаги наземной астрономии (в связи с наблюдением со спутников), и как — по той же причине — вершина, предел

развития наземной наблюдательной астрономии, и как то и другое одновременно.

Если на основании приводимых в словарях и справочниках иллюстраций попытаться описать смысловые и грамматические условия нормативного употребления фразеологизма *лебединая песня*, то в наиболее общем виде они будут включать в себя такие два правила: 1) выражению *лебединая песня* должно сопутствовать в тексте обозначение чего-либо, что стало последним произведением и т. п. (чаще всего между ними устанавливается грамматическая связь с помощью различных связок, глагола *оказаться* и т. п.); 2) «автор» произведения и тот, о ком утверждается, что это его «последняя песня», должны быть одним и тем же лицом (обычно наименование этого лица при фразеологизме выражено в форме родительного падежа существительного или местоимения).

Очевидным отступлением от этих условий является следующий пример: «В романе „Дворянское гнездо“ писатель... пропел лебединую песню всему дворянскому классу» (П. Г. Пустовойт. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»). Неизвестно, что названо *лебединой песней*, причем здесь два «лица», к которым мог бы относиться фразеологизм («Тургенев» и «весь дворянский класс»). Кстати, оба они грамматически не соответствуют способам выражения этого «лица». В результате и получается карикатурная схема: Тургенев «пропел (!) лебединую песню» — не свою, а «дворянскому классу»...

Могут встретиться и такие случаи, которые обнаруживают простое непонимание фразеологизма. Один из них описан К. Г. Паустовским в «Книге скитаний»:

Изредка Нодия устраивал в духанах маленькие ужины и любил говорить во время этих ужинов витиеватые тосты. «К нам,— говорил он,— приехал академик „золотое перо“. Он напишет о Колхиде свою лебединую песню. Я не мог опровергать Нодию — он был так добродушен, что язык не поворачивался возражать ему. К тому же я понимал, что «академик», «золотое перо» и «лебединая песня» — это только обязательные застольные цветы красноречия.

«Есть мушкетеры, есть!»

Старинное слово *мушкетер* смотрит на нас с газетных заголовков: «Чемпионат мушкетеров», «Салютуют Лужникам мушкетеры», «Мушкетеры скрестили клинки», «Парад „мушкетеров“», «Золото „мушкетеров“» (все это — июль 1966 года)... В заметке «Накануне премьер мушкетеров» «Правда» писала: «Меньше месяца остается до чемпионата мира по фехтованию, который впервые будет проведен в Москве во Дворце спорта» (11 июня 1966). Вот теперь и читателю, не следящему за спортивными событиями, станет ясно: «Спортсмены, вооруженные рапирами, шпагами, саблями — современные „мушкетеры“» («Правда», 4 июля 1967).

Но почему же все-таки мушкетеры? Ведь мушкетерами в старину называли солдат пехоты, вооруженных ручным огнестрельным оружием с фитильным замком. «Четвертая глава указывает, как мушкетеру из мушкета выстрелити и как ему всякими обычая за мушкет приматися» — гласит устав 1647 года «Учение и хитрость ратного строения людей». В некоторых армиях название *мушкетеры* сохранялось и после того, как мушкеты были заменены нарезными ружьями. Казалось бы, какой смысл называть фехтовальщиков стрелками?

Думаем, что не ошибемся, предположив в этом влияние романов А. Дюма-отца. Кто из нас с детства не помнит, как д'Артаньян и его храбрые друзья — Атос, Арамис и Портос, выхватив шпаги, бросались вперед?.. (А кто помнит те немногие случаи, когда им приходилось стрелять из мушкетов, как, например, во время знаменитого завтрака на бастионе под Ларошелью?!). Впрочем, вот свидетельства в пользу нашей догадки:

В эти дни Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина напоминает дом капитана королевских мушкетеров де Тревиля, что стоял когда-то в Париже на улице Старой голубятни. Все своды дворца отражают металлическое ожесточенное лязганье клинков. «Дуэли» — в центральном зале, «дуэли» — в гимнастическом зале, в коридорах. Мушкетеры в белых колетах стараются, как тот, на лестнице в доме капитана, не пропустить своих соперников на ступеньку выше («Литературная Россия», 15 июля 1966).

Или краткая аннотация из «Тематического плана выпуска литературы издательства ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“ на 1968 год»:

Малкин Ф. Есть мушкетеры!

Д'Артаньяны и Фанфан-Гюльпаны наверняка есть в каждом дворе. Стать ими очень просто. Достаточно воткнуть в свою шевелюру голубиное перо, выстрогать из деревяшки шпагу и посмотреть «Три мушкетера» или «Фанфан-Гюльпан» ...Книжка... приглашает будущих мастеров клинка в мир рыцарской шпаги, рапиры, сабли. На страницах ее встретятся любимые герои книг и герои современных фехтовальных боев. В прикладном разделе — практические советы юным фехтовальщикам, организаторам дворовых мушкетерских турниров.

(Вам заголовок книги Ф. Малкина ничего не напоминает? Ну, конечно, это из песенки М. Светлова в пьесе «Двадцать лет спустя»:

Трусов плодила наша планета,
Все же ей выпала честь:
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры, есть!)

И та же ассоциация даже в рецензии на театральную постановку: «Егор Глузов, этот обаятельнейший юноша, проныра, пролаза, демагог, вольнодумец, карьерист, соблазнитель, дипломат, почти мушкетер в поединке, фехтующий стеком, как шпагой (укол! еще укол!)...» («Театр», 1967, № 7).

Итак, с недавних пор слово *мушкетер* появилось в печати как образное наименование фехтовальщика. А если это она — фехтовальщица? «...На следующее утро зал „завоевали“ рапиристки. С утра до самого вечера „мушкетерши“ вели свои бои за выход в финал» («Комсомольская правда», 12 июля 1966). Последовательно, хотя вряд ли хорошо!

Употребление слова *мушкетер* на страницах газет пока в основном подчиняется... спортивному календарю: регулярным оно становится, когда проходит чемпионат Советского Союза по фехтованию. Но усиливающийся интерес к этому виду спорта и прочность ассоциаций, связанных со словом, позволяют предположить, что *мушкетер* имеет большие шансы закрепиться — рядом с «мастерами клинка» — в экспрессивном арсенале средств массовой коммуникации.

В заключение еще одна газетная заметка:

«Клинки скучают в ножнах». Под таким заголовком в нашей газете от 3 декабря минувшего года было напечатано письмо группы школьников из города Славянска Донецкой области. Ребята — *приверженцы древнего искусства мушкетеров* — поведали невеселую историю о том, что руководство совета общества «Локомотив» Донецкой железной дороги решило закрыть секцию фехтования. Эта единственная в школе секция мушкетеров существовала 10 лет... («Комсомольская правда», 21 января 1968).

Б. С. ШВАРЦКОПФ,
научный сотрудник
Института русского языка
АН СССР

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

(Ответы)

1. Мемориал — соревнование, посвященное памяти какого-нибудь выдающегося спортсмена (лат. *memorialis* — ‘памятный’ или ‘в память кого-чего-нибудь’). «Мемориал памяти кого-нибудь» — тавтологическое словосочетание.

2. Смешение глаголов *отличать что от чего-нибудь* и *различать что-нибудь*. Правильно: Необходимо четче различать проступок и преступление.

3. Правильно: ...ни *отпечатков* пальцев.

4. Дилемма — ‘затруднительный выбор из двух исключających друг друга возможностей’ (от греческого *dilemma*: *di(s)* ‘дважды’ + *lemma* ‘предположение’). В данном случае следовало употребить слова *задача, проблема* и т. п.

5. Правильно: «...обремененном *тысячей* житейских забот» или «тысячью... *заботами*». В первом случае *тысяча* выступает как счетное существительное; во втором — как числительное.

6. а) Повторение слова *вскоре* в стоящих рядом предложениях; б) *боевое крещение* — ‘первое участие в бою’; словосочетание *первое боевое крещение* тавтологично.
